Максим Канатьев

Из жизни дознавателя. Исповедь алкаша

Как круто меняются судьбы…

Максим Канатьев

Из жизни дознавателя. Исповедь алкаша. Как круто меняются судьбы…

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557799
ISBN 9785448553745

Аннотация

Все события, персонажи, имена, фамилии, прозвища являются вымышленными, а совпадения – случайны. Хотя, в каждой шутке есть доля шутки…

Содержание

Сижу за решеткой 5
Благодарная работа 8
Психология нашего населения 15
Черный день календаря 30
Наклонная плоскость для отдела 33
И снова дежурство 37
Окровавленный Ляшкин 47
Человек с тараканами в голове 60
Маленький шеф-повар большой ментовской кухни 62
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Из жизни дознавателя. Исповедь алкаша Как круто меняются судьбы…

Максим Канатьев

© Максим Канатьев, 2017

ISBN 978-5-4485-5374-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сижу за решеткой

Духота страшная, дышать нечем. Огромная, грузная, почти совсем черная туча оккупировала мутное небо. Ярчайшая вспышка на пару мгновений прорезала предгрозовые сумерки, и, сразу, оглушительный громовой треск, перешедший в раскаты, вытеснил все привычные звуки шумного города, словно ватой забил уши. Вдруг налетел, разбушевался ветер, поднял, взвинтил тучи пыли, деревья как травинки затрепал. Гул, звон и скрежет добавились к рычанию грома, ставшему беспрерывным. Близко. Близко гроза. Все вокруг построжело, посуровело, преисполнилось тревожным ожиданием апофеоза стихии. Прохожие с озабоченными лицами, слегка пригибаясь от пыльного ветра, поспешают в укрытия. Вон девушка в коротком платьице почти бежит, задорно сверкая ножками и поминутно задирая голову к небу. Мужичок, забыв про бутылку пива в собственной руке, семенит к автобусной остановке.

Гроза всегда пьянила меня, была источником здоровой энергии и бесшабашной жизнерадостности. Но только не сейчас. Согласитесь, не все, кто сидит за решеткой, чувствуют себя бодрыми, веселыми и бесшабашными. Да, вот, уныло сижу за решеткой. Потому как я – старший дознаватель райотдела милиции. А за решеткой, потому что кабинет мой на первом этаже, а в кабинете, сами понимаете, де-

ла, документы, вещдоки и, вообще, всякое такое, что пропадать никак не имеет права. Шутка ли, пять дел в производстве и семь материалов, по которым нужно быстренько решения принять. И со всех сторон на тебя давят сроки, сроки, сроки…. Даже само слово «срок» отвращение вызывает, грязно ругаться хочется от одного его упоминания. Эх, работать бы на самом деле так, как в телесериалах работают! Там тебе ни сроков, ни писанины, одновременно на несколько дел ты не распыляешься, а вдумчиво и обстоятельно чем-то одним занимаешься. Вот снять бы абсолютно правдивый сериал про нашу службу, не видимую с первого взгляда, так вашего бы терпения и на пять минут не хватило бы, скулы свело бы от скуки и тоски. Нет, не будет такого сериала. Тем более про дознание. Мало кто из добропорядочных обывателей знает о нем. Подруга моей бывшей супружницы, дама прямолинейная и от юриспруденции весьма далекая сказала как-то: «Слово-то какое зловещее – дознание! Небось, там людей лупите? А уж ты-то – в очечках, маленький, щупленький, ну прям бухгалтер натуральный, а вот, поди ты – дознаватель, блин!». На самом деле, нет в нашем подразделении ничего зловещего. И людей мы не лупим, правда-правда! Просто расследуем преступления небольшой и средней тяжести. И то не все подряд, а только те, которые нам Уголовно-процессуальный кодекс расследовать разрешает. Подследственностью это называется. Это только в сериалах дурных, некий гибрид следователя и опера все подряд расследует – от убий-

ства до незаконного производства аборта. А на самом деле, подследственность – это святое. В учебниках дознание называют упрощенной формой предварительного расследования. Ага, очень упрощенная. Можно подумать, дознание провести, как два пальца…. Некоторые так и думают. Вон практикантка с юрфака университета очень удивлялась, когда поняла, что ничего простого в дознании нет. От следователей мы чем отличаемся? Прав у нас поменьше и начальников побольше. Если следователь, хотя бы теоретически, может вежливо послать надзирающего прокурора с его указаниями, то над нами он царь и Бог, да еще и начальник милиции общественной безопасности, начальник райотдела, ну и наша любимейшая начальница отделения дознания, естественно. А для полного счастья, еще и кураторы из УВД как вороны кружат, так и норовят клюнуть или на голову нагадить. Вот так-то. Ну и, потом, срок дознания, будь он неладен, тридцать дней всего, а следствия – два месяца. Продлить, конечно, можно, но для этого надо к прокурору идти, а он в подобных случаях так на тебя смотрит, как будто ты денег у него просишь. А иногда еще и обзывается.

Благодарная работа

Сидит, рыдает, расквасилась вся. Того и гляди, слезами забрызгает. Очередная жертва семейного насилия. Банально, обыденно все, аж до тошноты. Женаты четыре года, детей нет. Ему тридцать один, ей – двадцать девять. Он – слесарит в автосервисе, она – продавец в продуктовом магазине. Если чисто внешне судить и подробностей не искать, то вполне приличная, обычная, среднестатистическая пара. Во всяком случае, все их соседи и знакомые именно так о них отзываются. Но я ж, как-никак, дознаватель, меня хлебом не корми, дай только в чужое грязное белье зарыться по самую макушку, понюхать его, посмаковать. Это я так шучу. На самом деле, работа у меня такая, и ни кто меня не спрашивает, мол, нравится ли тебе, Алексей Палыч, все это копание. Как говорит наш уважаемый начальник райотдела «Если что-то не устраивает – рапорт на стол и, вперед – в народное хозяйство!». Да вот только не готов я в народном-то хозяйстве работать. И от моего высшего юридического там проку мало. Что я реально умею? Преступления мелкие расследовать, да бумажки процессуальные писать. А кому все это надо, на гражданке-то?! Им вон по гражданскому праву, да по налогам с финансами спецов подавай. А у меня вся эта хрень давным-давно из мозгов выветрилась. В адвокатуру податься? Не, это не по мне. Не могу халдеем быть. Как

представлю, что какое-нибудь чмо крутое пальцы гнет перед тобой и гундосит «Э, адвокат, мля, я те бабло плачу, давай, мля, в натуре, действуй!», так сразу с души воротит. Все, хватит на никчемные размышления отвлекаться, пора, наконец, брать быка за рога, в смысле, дамочкой заняться, пока она слезами и соплями не истекла. А ведь все это время она мне чего-то рассказывала сквозь судорожные всхлипывания. Небось, всю свою подноготную выложила. Да, конечно, это неприлично с моей стороны, женскую мелодраму мимо ушей пропускать. Ну и ладно, не велика беда, еще разок повторит, не развалится. Тем более, что не нужна мне ее подноготная, чай не писатель я и не постановщик мыльных опер. Меня сейчас более актуальные вопросы беспокоят: что конкретно сотворил ее супруг, есть ли в его действиях состав преступления и будет ли она заявление писать о привлечении его к уголовной ответственности. Но нет, она, как и большинство потерпевших, обязательно издалека начинает, развозит, как кашу по тарелке. «У меня сегодня выходной, весь день убиралась, поесть приготовила, а тут он раньше времени вернулся, пьяный. Нас, говорит, Вовка Горин в гости пригласил, давай, собирайся быстрее, пошли! А куда я пойду с пьяным-то?! Он еще каплю выпьет и чего? На себе, что ли я его потащу?! Ну, я и говорю ему, мол, куда ты пьяный-то такой попрешься?!…». Тьфу ты, етицкая сила! Да плевать я хотел на твоего Вовку Горина! Ты рассказывай уже, чего конкретно твой муженек делал – бил-не бил, угрожал-не угрожал,

а то несешь мне тут всякую дурь! Но, все это я вслух не сказал, разумеется, ведь не совсем же я охамел, в конце концов! Нет, внешне – я сама вежливость, ну прям психолог дипломированный. А потому, мягко прервав повторение ее сумбурного повествования, я овладел инициативой.

– Так, извините, вас как зовут?

– Наталья.

– Хорошо. Наташа, давайте четко скажите, он вас бил?

– Ну вобщем, да…. Хотя так… не сильно.

– А это как? Скажите конкретно.

– Ну, сначала пощечину дал, а потом в грудь толкнул. Я смотрю, он уже конкретно завелся, я из квартиры-то выскочила и к соседке прибежала, хорошо, что она дома была. Она меня и надоумила милицию вызвать.

– Он угрожал вам?

– Да, чего-то такое орал, я уж сейчас не помню. Нет, он так-то отходчивый, ему, главное не перечить. Я, конечно, сама виновата, не надо было на пьяного ругаться, Он ведь, обычно-то, почудит немного и спать ложиться, а тут я его сама завела.

– Наташа, вы заявление будете писать?

– Какое заявление? – девушка резко насторожилась и ее всхлипы моментально прекратились.

– Обыкновенное заявление, о привлечении к уголовной ответственности за побои.

– Нет, конечно! Да что вы! За что его к уголовной ответ-

ственности?! Ну, поскандалил маленько, и что, сразу сажать, что ли?!

Прямо на глазах, из несчастной, беззащитной страдалицы Наташа начала трансформироваться в скандальную тетку, готовую, если что не по ней, глаза выцарапать.

– Ну ладно, ладно, не будем никого привлекать. Как скажете. А тогда что вы от нас-то хотите?

– Ну как…. Просто попугайте его, да и все. Ему же завтра на работу!

Идиотка! Дура конченная! Разумеется, эти восклицания за пределы моей черепной коробки не вышли. Больше всего меня убивает дебилизм наших людей. «Попугайте!». Ага, счаз-з-з! Сделаю ему детскую пугалку «У-у-у, идет коза рогатая, за малыми ребятами!». И ведь как он сильно напугается! Прямо так вот возьмет, и описается со страху! Ну чем, скажите, я могу напугать здорового, взрослого, тридцатилетнего мужика, чтобы он сию же минуту за ум взялся, а?!

– Отпустите его, пожалуйста! Я его домой уведу, все нормально будет! Ему уже и так досталось, ведь прямо как бандита какого заломали и в машину волоком затащили!

А ты что же хотела, милая? В батальоне ППС ребята серьезные работают, не любят они, почему-то, когда перед ними в боксерскую стойку встают, да еще и посылают куда ни попадя. Нет, это я опять мысленно. А вслух, вежливо прошу Наташу обождать в коридоре, пока я схожу и посмотрю, как ее сокровище себя в камере чувствует.

Сержант, ответственный за размещение и содержание пленных, то бишь задержанных, любезно показал мне нужную камеру. Сокровище сидело в одиночестве, понурив голову.

– Колесов! Как дела? – спросил я через решетку в двери.

– Пошел на …! – лаконично ответил Колесов.

«Мелкое хулиганство» – поставил я окончательный диагноз.

– Лёш, ну ты че, возбуждаться будешь по Колесову или как? – Это Коля, наш дежурный, интересуется, буду ли я возбуждать уголовное дело в отношении Наташиного супруга.

– Не, не буду. Она ничего не хочет. Давай его по мелкому оформим[1], и до утра. Ща я рапорт напишу.

Дежурный Коля начинает уныло материться. Да, его можно понять. Сейчас 18.00, а впереди еще целый вечер и целая ночь. Сколько еще за все это время людей натаскают, неизвестно, а камеры-то, понятно, что не резиновые. А потом, лишний человек в камере – лишняя ответственность на дежурной смене. Ну и я тоже не хочу подставляться. Допустим, отпущу я его сейчас, а он возьмет, да и заколбасит свою ненаглядную, ну или хотя бы просто покалечит? И кто тогда будет главным виновником этого безобразия? Нет, Колесов будет просто виновником, а главным – я, и только я! Кричи потом, что не виноватый ты, да хоть обкричись! Уголовную

---

[1] р Имеется в виду составление протокола об административном правонарушении – мелком хулиганстве и задержание нарушителя до утра.

ответственность за халатность никто не отменял. Нет уж, извините, лично мне, рабочий стул мне как-то более по душе, чем скамья подсудимых. Административный кодекс позволяет задержать мелкого хулигана на срок до 48 часов? Позволяет! Вот и воспользуюсь я этим позволением. А к утру злодей протрезвеет, в себя придет, получит штраф от начальника и отправится, мучимый похмельем, на все четыре стороны.

– Ну что, долго еще? – подскочила ко мне Наташа, когда я вышел из дежурки.

– До утра он будет у нас, а утром, в 8.30 начальник штраф ему выпишет рублей пятьсот и всё. Можете прийти, встретить его, в смысле, супруга, а не начальника.

– Да вы что?! Вы обалдели, что ли?! Ему же завтра на работу к восьми! Его же с работы выгонят!

– Ну, а я что могу поделать? Законы у нас такие. Хотя, начальник мог бы его отпустить, но он уехал уже. Рабочий день у нас, между прочим, до половины шестого, а сейчас видите сколько? Восемнадцать пятнадцать. Так что ничего не поделаешь, до утра подождать придется.

Хе-хе! Как ловко я на начальника стрелки-то перевел! Конечно, я и сам, прямо сейчас мог бы злодея отпустить, но не буду. Ни-за-что! Ведь в нашем деле что главное? Думаете, преступление предотвратить или еще что-то в этом роде? Не-е-ет! Главное в нашем деле – своевременно собственную задницу прикрыть! А то уже было однажды, участковый

на семейный скандал выехал, там мужичонка жену и тещу погонял малость, бабы просили забрать его, а участковый, добрая душа, примирил всех, как ему показалось, забирать мужика не стал, уехал со спокойной душой, дежурному доложил, что на месте разобрались. А через час примерно после отъезда, этот мужик жену в окно выбросил с четвертого этажа, а тещу зарезал на фиг. Ну и, короче, посадили участкового далеко и надолго за халатность. Правда, оправдали потом, спустя лет пять. Но не легче от этого парню было. Добился восстановления на работе, все причитающееся получил, а потом через месячишко примерно, помер, бедолага.

– Да что вы, мужчина-а-а-а? Вы ва-а-абще, что ли?

Ну, блин, вцепилась, как репей.

– Да не мужчина я, а мент! Менты слезам не верят!

– Я на вас жалобу напишу!

– Пожалуйста, Наташа, это ваше право. Только вы в следующий раз сначала подумайте, как следует, прежде чем милицию вызывать.

Ну все, слава Богу, направилась к выходу. Вот и еще на одного недовольного милицией стало больше. Начнет всем жаловаться на ментов-беспредельщиков, мол, скрутили, звери эдакие, и забрали ни за что любимого.

Психология нашего населения

Нет, не дано мне, понять психологию большинства нашего населения. Вот, поверите ли, больше всего ведь не преступников боюсь, а именно добропорядочных наших граждан! Ведь именно от них можно смело ожидать всяких гнусных подлянок. С преступником-то, как ни странно это звучит, у следователя и дознавателя конфликты крайне редко случаются. А если и случаются, то либо по твоей же собственной дурости, мешающей тебе психологический контакт с человеком установить, либо по причине полнейшей отмороженности самого клиента. Но таких отморозков за все время работы в дознании мне не попадалось, дуростью я, конечно же, страдаю, но не до такой степени, чтоб самому себе целенаправленно вредить. Да, да, пойдя на конфликт со своим обвиняемым, ты сам же и пострадаешь. Но только не физически, упаси Боже! Это редкость исключительная, ведь злодеи тоже не дураки, понимают отлично, что так просто с рук им это не сойдет. Как же тогда? А просто начнет он тебе всякие юридические пакости делать. Если, например, адвоката у него нет, то затребует его обязательно, а тот начнет к каждой буковке и закорючке цепляться, всякие непристойности спрашивать, типа «А почему это вы моего клиента знакомите с постановлением о назначении экспертизы задним числом, уже после того, как заключение сделано? Право на за-

щиту, значицца, нарушаете, да?», «А почему это вы дело для ознакомления передаете с непронумерованными листами?». К сожалению, любимый УПК[2] не дает нам возможности на подобные «А почему?», лаконично отвечать «А по кочану!». А еще ходатайства всякие-разные начнет строчить в дело и не в дело, и даже если они откровенно глупые и надуманные, все равно, на каждую такую дурь, будь любезен ответить. Письменно, разумеется. Так что со злодеями не нужно ссориться, отношения с ними нужно хорошие поддерживать. Конечно же, хорошие отношения – это не заискивание и не распитие на брудершафт. Просто попроще нужно быть, показать своим поведением, что расследование преступления – это всего лишь твоя работа и ничего личного тут нет и быть не может, не кичиться тем, что вот я – власть, а ты – никто и звать тебя никак. Бывает, на улицах встречаешься с некоторыми из тех, кого уже осудили по твоей милости, как со старыми добрыми знакомыми, иногда и червончик на опохмелочку кинешь. Вот один недавно, увидел меня и аж засиял весь:

– О, здорово, Палыч! Вот, откинулся[3] позавчера, по звонку, безо всяких УДО[4]. Можешь поздравить, мне почетное

---

[2] УПК – Уголовно-процессуальный кодекс РФ, определяющий права и обязанности участников процесса, порядок производства по уголовным делам и прочие важные вещи. Одним словом – Святое Писание для каждого следователя и дознавателя.

[3] Откинуться – освободиться из мест лишения свободы (угол. жаргон).

[4] Откинуться по звонку – освободиться из мест лишения свободы по оконча-

звание особо опасного рецидивиста присвоили! У меня же тогда судимость за убийство и разбой еще не была погашена, а ты мне еще приплюсовал. Ну ладно, херня это все, ты как сам-то? Все трудишься?

– Тружусь, конечно.

– Все там же?

– Да, где же еще.

– Ну, мало ли… Можно ведь и поблатнее устроиться.

– Нет уж, не хочу никуда рыпаться. Даст Бог, допинаю до выслуги, а там посмотрю, куда податься.

– Че тут думать-то, в адвокаты подавайся! Опыт-то, как говориться, не пропьешь.

– Ладно, там видно будет.

– Ну, ладно, удачи тебе!

– Давай, тебе тоже!

А ведь это благодаря моим стараниям его осудили-то, за букет из трех эпизодов – два грабежа и одна угроза убийством, но заметьте, никаких обид и радость встречи!

А вот с приличными людями… Да-да, именно «людЯми», и никаких! Скрежещите зубами филологи и прочие поборники правильного русского языка! Так вот, с людями, не имеющими почетного статуса обвиняемого или подозреваемого, или пока не имеющими, работать гораздо сложнее. Почему так? А потому что смертельно опасная эпидемия

нию срока, назначенного приговором суда, без условно-досрочного освобождения (УДО).

обыдления и дебилизации, безжалостно вытравляет даже зачатки элементарной просвещенности и критического мышления. Вот этих-то жертв эпидемии, собственно, и назвал людЯми. И, будучи хроническим мизантропом, позволил я себе разделить их на четыре группы: непонимайки, дурики, юрики и легкомыслики.

Итак, группа первая – непонимайки. Их отличительная черта в том, что они, будучи формально психически здоровыми, не улавливают смысл устной или письменной речи. Но при этом, выражение лиц у них ну такое осмысленное! Да еще головами энергично так кивают, разные междометья типа «ага» и «угу» озабоченно произносят. Вот, недавно было. Попросила меня одна знакомая подруге своей помочь, в интимном, так сказать, вопросе. А вопрос этот в том заключался, что той подруге, перманентно пьяный ейный сожитель, аккурат в глаз зарядил и клок волос выдрал. Вобщем, все как положено получилось: 116-я статья УК на лицо, ну или на лице, кому как нравится. А по таким преступлениям дознание, и тем более следствие, не производится, потерпевший должен прямо сразу подать мировому судье заявление в порядке частного обвинения. Пишется же сия бумага по строго определенной форме, о чем наши граждане понятия не имеют, и идут, по старинке, со своей бедой в милицию. Там, если не получится отшить назойливого терпилу[5], его заявление регистрируют, а далее проверка прово-

[5] Терпила – потерпевший (мил., угол. сленг)

дится по давно выработанному алгоритму, то есть, терпиле судмед освидетельствование проводится, участники и зрители случившегося безобразия опрашиваются, после чего, собранный материал (с глаз долой – из сердца вон!), мировому судье направляется. А мировой, получив материал, отказывается принимать его к своему производству только потому, что заявление не по форме написано. И что получается? Да ничего хорошего: потерпевший ни с чем остается, а злодей, соответственно, ликует. Ну, короче говоря, написал я той дамочке подбитоглазой, заявление по всей положенной форме, объяснил подробненько, куда, к кому и во сколько прийти. Совершенно бесплатно, заметьте! И ушла она от меня вроде бы вполне удовлетворенная (удовлетворенная квалифицированной юридической помощью, а не тем, что подумали некоторые). А буквально на следующий день, звонит моя знакомая, и с явно выраженным недовольством, передает слова той дамочки: «А он мне и не сказал ничего! Написал какой-то фиговый листок, и все. А дальше чего мне делать? Вобщем, плюнула я на все, провались оно…» После этого, предварительно выпав в осадок, я сказал резкое «Ша!» и больше никому и никогда неформальной юридической помощи не оказываю.

Теперь другой пример. Свежедопрошенный в качестве свидетеля 53-летний мужичок, минуты две тупо смотрит в протокол с его же собственными показаниями. Причем, заметьте, показания написаны нормальным, человеческим

языком, безо всяких там канцелярско-юридических вывертов. Потом, махнув рукой, говорит «А, все равно тут все непонятно, давайте я уже распишусь, да пойду». Ну уж ни хрена, мил человек, думаю, потом ты черт те чего тут наговорить можешь. А потому протокольчик-то вслух ему прочитал. Понятно? – спрашиваю. Да, понятно. Ну ладно, говорю, расписывайтесь везде, где галочки, а на последней странице, в конце, напишете «С моих слов записано верно, мною прочитано».

– А расписываться прямо на галочах или где?

– Да где хотите.

Немного подумав, мужичок все же расписался где надо, и даже ничего не забыв.

– Так, а теперь вот здесь (показываю пальцем) пишем: «С моих…» да не «с маих», а «с моих»! Ладно уже, оставляй как есть.

– Дальше: «слов записано верно». Да блин, зачем ты «слов» -то с большой буквы написал? Нет, не трогай, не надо черкать! Давай, дальше пиши…

– Стоп-стоп, ты чего это тут нацарапал – «Все правильно»?! И ведь когда успел-то, а?! Бляха-муха! Зачеркивай теперь это свое «Все правильно» аккуратно одной чертой и продолжай: «за-пи-са-но вер-но». Молодец, точку поставь!

– Дальше, «мною»…. Ну, … твою мать, б…, зачем ты «Дальше» -то пишешь?! Зачеркивай опять одной чертой. Так, пиши рядом с зачеркнутым «мною про-чи-та-но». Те-

перь рядом «Исправлено»… Да блин, не «исправлена» а «исправлено»! Ладно, обведи букву «а» кружочком, чтобы она на «о» стала похожа. Рядом, с маленькой буквы, «соб-ствен-но-ручно».

– Теперь вот здесь ваша подпись и ее расшифровка.

– Дык она у меня вроде не зашифрованная! – Этот деятель еще и острить пытается!

Стараясь обходиться без хамства, показываю ему, где расписаться и написать свою фамилию с инициалами.

– Вот уж хрен я больше в свидетели пойду! – сказал, как отрезал, несчастный, вытирая рукавом обильный пот с лица.

Следующая группа – дурики. Сразу оговорюсь, что дурики – это далеко не всегда дураки, в народном понимании этого слова, и, так же, как и непонимайки, они также формально психически здоровы. Их отличительная особенность заключена в способности экспромтом рождать замечательную словесную дурь. Звонишь, бывает, в дверь приличным гражданам, для того, чтобы поспрошать их о чем-нибудь важном. Из-за двери – традиционный вопрос «Кто там?», на который дается не менее традиционный ответ «Милиция». Далее из-за той же двери следует уже нетрадиционный, в смысле, наидебильнейший вопрос «Какая милиция?». А ну-ка, уважаемые читатели, попробуйте быстро и в пристойной форме дать вразумительный ответ! И как, нормально получилось? Ответил я как-то: «Хорошая милиция, качественная, откройте, не пожалеете!», и, когда оказался безнадежно да-

леко посланным, до меня дошло: на самом деле, граждане хотят узнать, в чем цель нашего визита, но их почему-то намертво переклинивает, отчего и получается «Какая милиция?». И теперь, в ответ на такой вопрос, я просто спокойно объясняю человеку, зачем я пришел и что мне от него надо. Пока помогает. Дальше поехали. В ответ на просьбу поприсутствовать в качестве понятых, например, при следственном осмотре, процентов девяносто заявляют: «А мы ничего не видели!». Так ведь, етицкая сила, я же не спрашиваю вас, что вы там видели, я прошу просто поприсутствовать при осмотре и ничего более!

Третья группа – юрики. Это те же дурики, но только с уклоном в юриспруденцию. Этакие юристы – самородки. Они напористы, непоколебимо уверены в себе и своих якобы серьезных юридических познаниях. И уверенность эта непробиваемая, бронированная, железобетонная. Уж если заявил тебе юрик «Вы не имеете права!», то бесполезно ему, тыкая пальцем в закон, доказывать обратное. Не имеете вы права, и все тут, и хоть ты лоб себе расшиби! Так, мамашка одного пятнадцатилетнего парнишки, категорически возражала против его допроса в качестве свидетеля по грабежу. На все мои умоляющие просьбы, уговоры, требования, и даже клятвенное обещание зашифровать личность ее сынули, чтоб, значит, злодей до него не смог добраться[6], она визгливо

---

[6] Согласно ч.9 ст.166 УПК РФ, данные о личности свидетеля, могут сохраняться втайне от остальных участников процесса.

кричала «Не имеете права, я с адвокатом советовалась!» И, что самое-то нехорошее – уголовной ответственностью за отказ от дачи показаний припугнуть нельзя, ибо наступает она только с шестнадцати лет. Тогда я проще поступил: пришел к парнишке в школу, да и допросил его в присутствии педагога. Кстати, пацанчик, в отличие от своей, интеллигентно выражусь, экзальтированной мамашки, оказался абсолютно адекватным, и дал полный и толковый расклад по всем обстоятельствам преступления. Мамашка, в тот же день, узнав о моем жестоком коварстве, влетела ко мне в кабинет с традиционным в таких случаях визгом: «Кто вам дал право…?! …Вы превышаете полномочия! …Я буду жаловаться!»

– А вот и имею! А вот и не превышаю! – на мотив детской дразнилки пропел я, весело вертя в руке УПК и даже хотел язык показать, но посчитал, что это не очень прилично для офицера милиции. Как ни странно, но жаловаться на меня она не стала.

Другой пример юриков – это люди, которые сильно любят ордера[7], а потому настойчиво требуют их при любом, даже незначительном контакте с милицией. Прямо ордерофилы какие-то! Пришел я как-то к дедуле одному, по словам людским, бодренькому и внешних признаков маразма не проявляющему, чтоб допросить его в качестве свидетеля по сосед-

---

[7] Ордер – это документ, дающий право адвокату на участие в уголовном процессе. Все остальные ордера – на обыск, на арест и т.п., существуют лишь в кино и так называемых литературных произведениях.

ской драке. Так тот прямо с порога мне с металлом в голосе: «Где ваш ордер?»

– Какой ордер? – не врубился я.

– А такой ордер, на допрос. Если у вас его нет – до свидания! – и, не дав мне ответить, захлопнул дверь перед носом.

Но больше всего наши граждане любят ордера на обыск или арест. Откуда в головах ваших, уважаемые юрики, так прочно засели эти самые идиотские ордера? А не иначе как из тех же гнусных современных отечественных фильмов и сериалов, в совокупности составляющих телеблеботину, которую расейский пипл поглощает, не поморщившись! Режиссеры и сценаристы не утруждают себя глубокими познаниями в деятельности правоохранительных органов, не привлекают к съемкам консультантов-практиков, а отсюда и рождаются перлы, типа «Я – следователь уголовного розыска! Вот ордер на ваш арест!» Кстати сказать, «следователь уголовного розыска», по своему смыслу равен «слесарю-гинекологу».

Теперь на десерт приведу пример с одним великолепным юриком-самородком. Была у меня потерпевшей по побоям и угрозе убийством женщина лет сорока. Нормальная такая, вполне адекватная тетенька. И предстояла ей очная ставка не с кем-нибудь, а с ее непосредственным обидчиком, злодеем, то есть. А злодей-то с адвокатом! А живого-то адвоката она в жизни не видала! И видно так перетрусила, бедолага, что умудрилась отыскать для собственной поддержки такое

чмо, что ни в сказке сказать, ни в протоколе описать. Называется, сама себя перемудрила…. Вобщем, в день проведения очной ставки, на пару с потерпевшей, нарисовался, откуда ни возьмись, тощий мужичонка-коротышка абсолютно неопределенного возраста, с красным вздернутым сопливым носиком на худощавом нервном лице, облаченный в коротенький, болоневый плащик грязно-коричневого цвета, некогда модный хит 70-х г. г. XX века. На голове сего светила юриспруденции восседала весьма древняя засаленная бурая фетровая шляпчонка, не иначе, как ровесница плаща, из-под которой сосульками свисали пряди не мытых, не стриженных и нечесанных волос. С важным видом, он вручил мне криво вырванный тетрадный листок в клеточку, на котором было нацарапано: «Я, гражданка Российской Федерации Такая-то, доверяю гражданину Российской Федерации Такому-то, защищать мои интересы на следствии и суде. Дата и две подписи.». При этом, в сфокусированном на мне горящем взоре правозащитника-самородка, кроме ярких бликов застарелой шизофрении, читалось ожидание благоговейного трепета перед его столь значительной персоной. Слов нет, зашибись представитель! Выгонять его сразу и в резкой форме я все-таки не стал, поскольку это чмо принялось бы вопить про нарушение прав человека и произвол, потом нарожало бы кипу жалоб во все мыслимые и не мыслимые инстанции. А мне это надо – утруждать себя лишними отписками? И решил я тогда его самым жестоким образом, но при

строгом соблюдении законности, морально «опустить».

– Уважаемый, – спрашиваю, – а вы собственно кто? Адвокат?

– Нет, я не адвокат, но Конституция представляет каждому право на квалифицированную юридическую помощь!

– Во-первых, гарантирует-то она гарантирует, но вот по вопросам уголовного судопроизводства, она отсылает к федеральному закону. В данном случае – это УПК. Вы хотя бы заглядывали в него?

– Разумеется!

– Ну, а раз заглядывали, то должны знать, что представителем потерпевшего может быть только адвокат, а вы им не являетесь. И вот эта ваша записулька никакой юридической силы не имеет – с деланной брезгливостью, двумя пальцами, я приподнял бумажонку.

– Ну, может, в виде исключения допустите? – недавние спесь и апломб с мужичка слетели, как осенняя листва.

– Вот когда в УПК будет прописано это исключение, тогда пожалуйста. А сейчас – до свидания! На очную ставку посторонние не допускаются.

– Тогда будьте любезны сделать видеосъемку очной ставки и предоставить ее потерпевшей! – мужичонка схватился за последнюю соломинку для сохранения имиджа крутого юриста.

– Уважаемый, почитайте внимательно УПК: производство видеозаписи – это не моя обязанность, а мое право.

Но в данном случае, я не считаю нужным этим правом пользоваться. – Со снисходительной полуулыбкой ответил я. – А сейчас, если хотите, посидите в коридорчике, а не хотите, то вас никто не задерживает. И только я расслабился, как вижу, что из ноздри этого чуда надувается весьма не маленький пузырь грязно-зеленого цвета, готовый сей секунд лопнуть, обрызгав не только своего законного владельца, но и ни в чем ни повинного меня. Мужичонка принял мое естественное стремление отстраниться от его сопливых брызг, как собственную мини победу. Но я обломал его. Вы, говорю, хоть платок с собой берите или, накрайняк, рукавом вытирайтесь, а то, не ровен час, ни в чем не повинные люди под раздачу попадут!

Весь этот диалог происходил в присутствии потерпевшей, злодея и его адвоката. Униженный и оскорбленный горе-правозащитник покинул, наконец-то, кабинет, шмыгнув, на прощание, носом. Но все же сделал, гад такой, мелкую пакость на прощанье: оставил после себя такую гремучую смесь миазмов одеколона «Шипр» и, извините, грязных носков, что мне пришлось окно открывать, а на дворе, между прочим, тогда конец ноября был. Когда очная ставка закончилась и мы с потерпевшей остались один на один, я полюбопытствовал, где, в каком месте, она откопала такое… э-э-э такого странного человека. Оказалось, что подруга порекомендовала его, как великого специалиста, который любые уголовные дела на раз-два разваливает. А этот «великий спе-

циалист» слупил с женщины две с половиной тысячи рублей, да еще и «обгадился» по полной программе своим абсолютным незнанием уголовного процесса.

Теперь поговорим о легкомысликах. Легкомыслики – это граждане, очень легкомысленно относящиеся к своим процессуальным обязанностям. Проще говоря – плевать они хотели, ложили с прибором, забили кое-что (выбирайте, что больше понравится или все сразу) на повестки с вызовами к дознавателю. И ведь можно еще понять, когда подозреваемый или обвиняемый не является. Тут уж сразу ясно, что причины уважительные – либо запил, либо в бега подался. Хотя такое не часто случается. А вот у потерпевших и свидетелей не явиться по вызову – запросто! И ведь, главное-то, я в повестке всегда свой служебный телефон указываю, на тот случай, чтоб человек заранее мог предупредить о том, что прийти не сможет. Так ведь ни фига! Не явился и все тут! Но срок-то по делу идет, и мало того, что идет, он еще и истекает! Ладно, звонишь или едешь домой к этому деятелю, а тот тебе с такой небрежной улыбочкой «Ой, да чего-то закрутился совсем, забыл!». Вот так бы взять уголовное дело потолще, да настучать им по легкомысленной башке, да еще и по морде от всей души нахлестать, но, к сожалению, Уголовный кодекс такой вид воспитательной работы называет превышением должностных полномочий с применением насилия. И ведь есть у меня право подвергнуть принудительному приводу такого забывчивого, но только ведь потом

визгу не оберешься «Как?! Меня, как преступника, под конвоем притащили! Я жаловаться буду!». Да не боюсь я этих жалоб, отпишусь, будьте уверены, вот только нервы и время тратить не хочется. Ну все, хватит, а то сейчас сам себя накручу и пойду бить морды людям налево и направо. Шутка, тупой ментовский юмор.

Черный день календаря

Черный день календаря – дежурство в следственно-оперативной группе. Не реже четырех раз в месяц для меня эта повинность. Следственно-оперативных групп, с недавнего времени, у нас две. В одни сутки и следователь и дознаватель дежурят, совместно с сыщиками и экспертами-криминалистами. Повседневно-то, я расследую только преступления небольшой и средней тяжести, а когда дежурю, то имею право проводить неотложные следственные действия и по другим преступлениям, которые в компетенции наших следователей находятся. А уж наутро, все дела и материалы, которые родила следственно-оперативная группа, начальник райотдела щедрой рукой распределяет или, как у нас говорят, «расписывает» по службам и подразделениям. Трудитесь ребята, лишь бы только не заскучали вы без работы! Конечно, можно бы так сделать, чтобы следователь ездил на преступления своей подследственности, а дознаватель – своей, но из этого не выйдет ничего хорошего, завалимся тогда по уши – наш райцентр и район самые большие в области, а преступлений меньше не становится. Так, кто у нас сегодня оперативный дежурный? О, Коля Бешеный! Бешеный – это погоняло такое. Интересная особенность у человека: когда трезвый – ну дурак дураком, в прямом смысле слова бешеный, по любому поводу, а чаще и безо всякого повода, на-

орать и обматерить может. Но стоит только выпить – и все, сразу нормальным человеком становится! Я сам был свидетелем, когда смена только-только заступила на дежурство, и Коля был трезв и зол, как взбесившийся носорог, в дежурку принесла нелегкая регистрировать материал юного следователя, не успевшего еще и месяца отработать. Застенчивый парнишка, не успев ничего сказать, только было протянул материал, как на него обрушился Колин гнев, внезапный и страшный: «Чего ты мне тут с утра пораньше всякую х… ню уже тащишь?! Ну-ка, иди на …й отсюда!» Вот так, теперь парнишке на всю жизнь урок: не попадайся Коле с утра пораньше под трезвую руку!

Как всегда перед заступлением на сутки, настроение ниже плинтуса. А с чего радоваться-то? У меня на сегодняшний день шесть дел в производстве и три материала[8]. Вон по грабежу дело давно уже в суд просится, послезавтра срок, нужно обвинительный акт писать. А по хулиганству срок уже завтра, а там еще и конь не валялся, даже потерпевший еще не допрошен. Ну что ж теперь, придется делать как всегда: вынесу заведомо незаконное постановление о прекращении уголовного дела, прокурор, естественно, поорет, пообзывается, постановление отменит, но зато установит новый, такой милый и такой желанный срок производства до-

---

[8] Материал – это сообщение о якобы преступлении, по которому только еще предстоит решение принять – возбуждать уголовное дело или, ну его на фиг, отказать в возбуждении, а может и пульнуть кому-нибудь по подведомственности.

знания! А уж материалы-то мои, страшно сказать, все, как один, на просрочке висят! Вот такой я паразит-волокитчик! В дежурные же сутки приходится «забывать» про свои «родные» дела. Может, конечно, и удастся сегодня обвинительный акт попечатать, но это, скорее всего, что-то из разряда призрачных грез. А ведь были, были когда-то те благословенные времена, которые помнят наши седые ветераны, когда частенько они на дежурствах от безделья страдали….

В 8.00 инструктаж в дежурной части. Начальник отдела проводит. Докладывает, что предыдущая группа наработала и напортачила, учит нас, неразумных, как надо и как не надо вести себя на дежурстве. Следователя с сыщиком[9] оставили на вторые сутки, собственные косяки устранять. Это ж надо было удумать такое: квартирная кража со значительным ущербом налицо, а они, вместо того, чтобы следственные действия провести и уголовное дело возбудить, набрали несколько объяснений, после чего следователь отказал в возбуждении уголовного дела в виду малозначительности деяния. До такого, наверное, даже зеленый стажер не додумается, а уж эти-то, далеко не юнцы, должны же хоть иногда соображалку-то включать!

---

[9] Сыщик – оперуполномоченный уголовного розыска (мил. сленг)

Наклонная плоскость для отдела

Черт возьми, куда наш отдел катится, а?! За все свои годы работы, не видал я ничего подобного! А как появился начальничек наш новый – пожалуйста, такие чудеса начались, о которых и помыслить не мог никто. Его нутро пустое мы просекли после того, как он в интервью местной газетенке заявил: «Я подниму этот отдел!» После этого перла, непонятки возникли, извините за бандитский сленг: наш отдел, что, самым худшим и опущенным был? Нет же! Так откуда же или куда этот придурок его поднимать собрался, ась? Может быть он крутой профи, этот далеко не бравый подполковник с синими прожилками на лице? Опять же нет – бывший начальник МОБ[10] в другом провинциальном горотделе, если чем и заметный, то исключительно своей мохнатой лапой в лице начальника службы тыла областного УВД. Но это еще не все! Оказалось, что этот подниматель райотделов, еще и алкаш запойный: не реже, чем раз в два месяца, уходит на неделю или чуть больше в глухой запой, после чего, анонимно в наркологическом стационаре лежит неделю под капельницами. И такие циклы повторяются с педантичной регулярностью. Нормальный пример для личного состава, да? Ну, и что же мы имеем, в смысле, каковы итоги одно-

[10] МОБ – милиция общественной безопасности.

го года и восьми месяцев «поднимания отдела»?! Сплошные пьянство и раздолбайство. Раньше, при прежнем начальнике, если и пили в отделе, то только по-тихому, после работы и только по серьезным поводам: очередное звание, повышение в должности, юбилеи, рождения детей и тому подобное. Хочешь «продолжения банкета»? Да не вопрос! Только уйди за пределы, с глаз долой и не «залетай№, а если следующий день рабочий, то будь добр явиться в пристойном, человеческом виде. Теперешние же пьянки, запросто и посреди рабочего дня случаются. Свои же коллеги менты по всей области, наш отдел иначе как «пьяным» не называют. Во как прославились-то! А в делах и материалах что творится? Везде сплошь просрочки и раздрай полный! По всем показателям работы – последнее место в области. Надзирающий прокурор, кураторы увэдэшные и свои начальники подразделений не просто звереют, а, того гляди, пламя изрыгать начнут! Начальничек, если только не в ауте и не на капельницах, на общих разводах[11] визжит, как резаный, грозится: «Поувольняем всех! Всем оклады по минимуму сделаем!». А толку-то что? Извините, но большую часть отдела не разгонишь. Вернее, разогнать-то можно, а работать кто будет? Не больно кто-то рвется на дурдомовскую «земельную» работу. Но вы не подумайте, что пьянство и разгильдяйство у нас абсолютно безнаказанны. Нет, и выговоры объ-

[11] Общий развод – оперативное совещание для всего (или почти всего) личного состава. Проводится, как правило, раз в неделю.

являют и увольняют по отрицательным мотивам, но толку, как уже было сказано, ноль! А все почему? А потому, выбили у нас один из основных столпов, на которых система эмвэдешная держится, то бишь единоначалие. Другими словами, подпасками (нижестоящими руководителями) и стадом (личным составом, не занимающим руководящих должностей), должен пастух управлять. Причем, управлять незримо, но ощутимо. Каждый сотрудник, без лишних напоминаний, нравоучений и угроз, нутром должен чувствовать тот барьер, через который переступать нельзя. А если этого самого барьера внутри нет, то получается хаос, который криками и визгами не ликвидируешь. Вот прежний начальник, Семеныч, не орал, не истерил и не грозил, но был же порядок-то! Пусть не идеальный (идеального порядка в нашей системе нет и быть не может, это аксиома), но все же был! Жаль, жаль, что на пенсию вышел…. А этот, одно и название, что пастух – болванчик гнилой, со всех сторон верными замами, как подпорками окруженный. Рациональной пастушьей деятельности от него никакой, только угрозы визгливые. Да вот только шибко неприкосновенный болванчик-то – несмотря на все чудеса, жив, курилка! Но насчет «жив», вы уж не подумайте чего, это я так фигурально выражаюсь, а то решите еще, что со свету сжить хочу, начальника-то! Хотя, по весьма достоверным слухам, в самое ближайшее время, на отдел должна обрушиться грандиозная комплексная проверка. С одной стороны, это хорошо – может, наконец, эта

дурилка запойная, слетит к такой-то матери, а с другой стороны – под раздачу мы все попадем, только кому-то больше, кому-то меньше достанется, но отгребем все, это уж так заведено в нашей системе.

И снова дежурство

А еще я эти дежурства в том плане ненавижу, что там все быстро делать надо. Я же флегматик, медлительный я человек-то. Сыщики, которые со мной выезжают, всегда подгонять начинают «Быстрее-быстрее, б…!» А как быстрее-то?! Протокол осмотра места происшествия написать надо? Надо! Дальше, потерпевшего нужно допросить и свидетелей, если они есть, заявление от потерпевшего принять тоже надо, потом человека потерпевшим нужно признать. Вы, наивные, думаете, что потерпевшим человек становится, когда ему вред был причинен? А вот и фигушки, уважаемые! Пока я постановление не вынесу о признании его потерпевшим, он вообще никто в процессе. Сегодня у нас дежурный сыщик Андрей Спиридонов. Суровый парень. Следователей бьет. Да, в прямом смысле бьет! Чуть замешкался – сразу бац в грудину! Хотя, если по правде, не следователей, а одному следователю – Вовке Серегину прямо на месте происшествия от души зарядил, за то, что сопли жевал сверх меры. Ну да, это же вам не сериальные знатоки, интеллигентнейщие люди….

Опять, как всегда, вызовы на квартирные кражи. Темные, разумеется. То есть, выражаясь уголовно-процессуальным языком, там не установлено лицо, подлежащее привле-

чению в качестве обвиняемого[12]. Как же интересно получается! Проникновение в квартиру было путем взлома входной двери. То есть треск в подъезде стоял конкретный, не возможно его не услышать. Однако вездесущие бабушки-соседки ничего не видели и не слышали. Ну, и как же так? А никак, допрашиваю, и так и записываю: «Ничего не видела, не слышала и не знаю». Ну и хрен с вами, дорогие мои. Вас коснется, то же самое и с вами будет. Вы, небось, думаете, что приехавшая следственно-оперативная группа сразу меры к розыску принимать начнет?! Не-е-ет, уважаемые. Нам, главное, материалец собрать, оформить его красивенько, так, что бы на вторые сутки переделывать ничего не заставили. А уж найдутся или не найдутся ваши похищенные ценности, это дело десятое. Я что должен, все остальные вызова бросить, и начать скакать в поисках вашего имущества, копытом бить и искры высекать? А потом, сами судите – где мы вам его найдем-то? Ну, обойдет сыщик квартиры в подъезде, выслушает стандартные «Не видел-не знаю», напишет рапорт по результатам поквартирного обхода и успокоится на этом. Короче говоря, вместо экстренных поисков, я обязан прямо на месте происшествия кипу бумаг оформить: протокол осмотра, заявление от потерпевшего, постановление о признании потерпевшим, постановление о признании его, то есть потерпевшего гражданским истцом, сви-

---

[12] У нас такие дела называют «темными». В других городах – другие сленговые названия: «глухари» и «висяки».

детелей допросить, конечно, если таковые имеются, А еще пальчики откатануть или следы обуви взять у всех, кто до нашего прибытия на месте происшествия обитал, чтоб, значит, со злодеем потом не спутать! Правда, это эксперт делает, но ведь время-то так или иначе бежать продолжает. Потом, когда уже в отдел вернусь, нужно вынести постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о направлении его по подследственности в наш следственный отдел, если изъяты хоть какие-то следы, то еще и постановление о назначении соответствующей экспертизы, если изъяты вещдоки – отдельно оформить протокол осмотра предметов и постановление о приобщению к делу в качестве вещественных доказательств. А светлые дела, то есть в которых злодей уже задержан – это же вообще вешалка! Кроме всего, что я сейчас назвал, нужно еще «сотку»[13] выписывать, злодея допрашивать в качестве подозреваемого. Хорошо, если он по любимой пятьдесят первой[14] от дачи показаний откажется, а если нет? Тогда так и придется все его излияния в протокол вписывать, то есть опять лишнее время тратить. А еще, представьте, дежурный орет непрерывно: «Быстро, быстро, х… ли сопли жуешь?! У тебя еще вызо-

---

[13] Соткой на милицейском сленге называли протокол задержания в порядке ст.122 УПК РСФСР, но теперь, когда этот порядок регламентирован ст. 91 УПК РФ, все равно, по привычке, называем «сотка».

[14] Имеется в виду Статья 51 Конституции РФ, дающая каждому из нас право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

вов полно, а ты всякой херней маешься!» Вот так и приходится работать. А розыск похищенного имущества, начнется потом. Когда потом? Да Бог его знает, когда. На следующие сутки уголовное дело подпишут какому-нибудь следователю. Потом, когда у следователя дойдут до этого дела руки, он по шаблону накатает «План совместных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий», поручения уголовному розыску, участковым и в отделение по делам несовершеннолетних. Через энное количество времени, от них придут ответы, написанные не выходя из кабинетов, содержащие одинаковую фразу «Не представилось возможным». А когда истечет двухмесячный срок расследования, и по делу будут выполнены все следственные действия, которые возможно выполнить в отсутствие обвиняемого, следователь вынесет постановление о приостановлении производства по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, объявит в розыск непонятно кого, и похерится дело на веки вечные. Нет, конечно же, преступление будет раскрыто, но только если вам очень повезет, и сыщикам «сорока на хвосте» принесет нужную информацию или же если злодей будет задержан на другом преступлении и попутно будет установлена его причастность к преступлению «вашему».

Ладно, кражу отработали, в отдел поехали. А вот и ни хрена!

– Двести первый, двести первый – Затону («Затон» – это

позывной нашего райотдела) – старенькая рация хрипит, завывает и зовет нас Колиным голосом. – У-у-у… хр-р-р… пф-ф-ф…

– На приеме двести первый! – бодро отвечает милиционер-водитель Сергей,.

– Володарского тридцать два восемнадцать. Труп. Хрр-р-р… пф-ф-ф.

– …б твою мать! А мне что там делать? – задал резонный вопрос эксперт-криминалист Абакумов.

– Ничего, отдыхать будешь. Мы быстро управимся. А заодно мороженого купишь. Мужики вы как насчет мороженого? – Я возмечтал о ледяном эскимо, освежающем, и отвлекающем, хотя бы на время, от пыльной духоты.

– С удовольствием! Мне эскимо. Сейчас приедем, денежку дам. – Отозвался Сергей.

– Ну его на хер! Сейчас бы пива холодного. – Мрачно выразил желание сыщик Андрей, мучимый жестоким бодуном. Еще бы не мрачно! Два дня назад Андрюша залетел[15]: прямо посреди рабочего дня перед начальником криминальной милиции нарисовался «во всей красе». Хорошо, что строгим выговором отделался. Так что, на нынешние сутки мечта о пиве и, тем более, о чем-то покрепче, должна для него остаться лишь мечтой.

Вот люблю я на трупы ездить и все тут! Нет-нет, не стра-

---

[15] В милиции, как и в армии, залетом называют дисциплинарный проступок или преступление.

даю я некрофильскими извращениями. Просто работать по некриминальным трупам одно удовольствие: быстро, спокойно, без суеты. Пока я протокол осмотра нацарапаю, участковый или сыщик уже объясненьица с людей возьмет (с живых, разумеется), потом – направление в морг и все дела! Конечно, не всем такая специфичная работенка нравится, некоторые коллеги, бывает, что и блюют, но куда деваться? Хотя, по правилам-то, на любой труп, выезжать должен прокурорский следователь с судебным медиком, а вот как бы не так! Эта элита у нас только на убийства ездит, да на трупы, которые в общественных местах народ пугают. Прибыли. Обычная панельная «хрущевка». Хорошо, хоть нужный адрес на первом этаже, а то если труповозка опять только с одним водителем приедет, без санитаров, то труп тащить нам самим придется. Да-да, бывает, что и труповозами и трупоносами работаем. Бесплатно, конечно же. В подъезде, у двери квартиры встречает пожилая женщина. Глаза заплаканы, но держится хорошо, адекватная. Думал, что это жена… э-э-э вдова, а оказалось – сестра. Мы с Андреем и сестрой покойного с трудом протискиваемся в квартиру. Почему с трудом? А потому что «виновник торжества» повесился с внутренней стороны входной двери квартиры на дверной ручке в сидячем положении. Да, кстати, это самая типичная поза для самоповешения. На скольких висельников я выезжал (а это, наверное, больше сотни) и ни разу не встречал полного висения, то есть, чтоб ноги никакой опоры не касались.

Квартира однокомнатная, без роскоши и всяких там евроремонтов, но чистенькая. Покойный – мужчина шестидесяти трех лет, с женой разошелся давно, есть дочь, но никаких контактов с ней не поддерживал, жил один, попивал тоже один, но в меру. Сестра его регулярно навещала, говорит, и так-то он не особо неразговорчивый, а последнюю неделю вообще какой-то угрюмый был, разговор нехороший завел: «У меня, говорит, за душой отродясь никакой серьезной копейки не бывало. Если что, уж похоронишь, может быть по самому дешевому разряду, а если не получится, то не забирай меня из морга, за государственный счет все равно похоронить обязаны. Мне – то, мол, все по хрену будет. А раньше, до пенсии-то, он каменщиком работал. Все мечтал, вот, мол, на пенсию пойду, свободным человеком стану, за грибами, да на рыбалку буду ходить. А как стал пенсионером-то, так и все, и сник как-то. По такой-то профессии ведь мог бы свободно шабашить, деньгу зарабатывать, а вот видишь ты, ничего уже не захотел». Ну да, значит, настрой на самоубийство не внезапно сформировался. Записки нет предсмертной, хотя самоубийцы далеко не всегда их оставляют. Ну, ладно, хватит разговоры разговаривать, надо работать. Протокол осмотра места происшествия пишу по обычной схеме: обстановка в квартире и дальше, подробнее про труп. Прошу у сестры покойного какой-нибудь нож, веревку бельевую обрезать, на которой самоубийца сам себя подвесил. При этом тело нужно обязательно поддерживать, ина-

че как-то не совсем эстетично получается, когда оно со стуком на пол грохается. От этого, бывает, чувствительные живые граждане, находящиеся поблизости, сами рядом с трупом в обморок падают.

– Андрей, давай придерживай, а я резать буду.

Все, порядок, сняли. Поднимаю трупу рубашку, спускаю штаны. Хотя и видно невооруженным взглядом, что нет тут никакого криминала, но лучше все же перестраховаться и труп осмотреть, а то ведь чем черт не шутит. Нет, все нормально: никаких видимых повреждений, трупные пятна, как и положено, на нижней части туловища, в штанах – содержимое мочевого пузыря и кишечника.

– Андрюх, опроси, пожалуйста, женщину, пока я осмотр пишу!

Андрей сначала как-то странно замялся, потом сказал мне на ухо:

– Лех, слушай, у меня руки трясутся после вчерашнего, давай ты сам опросишь, а?

Б… дь! Это что, теперь до конца суток я буду один пахать на всех вызовах?! Так ведь завал будет, у меня ж, в конце концов, всего две руки-то! Вот, е-мое, так на грех меня и толкает, так и придется опохмелять! Скотина такая…. О, труповозочка подкатила. Оперативно-то как, аж удивительно! Зато без санитаров, только водитель Славик. Ну, что ж, давайте, хозяйка, покрывало или одеяло какое-нибудь, грузить будем!

Все, возвращаемся в машину, где нас водитель с экспертом заждались.

– Лех, извини, я съел твое мороженое. Вы там долго были, оно бы все равно все растаяло.

– Ладно, Серега, на здоровье. Ну что, в отдел? – с надеждой спросил я.

– Ни хрена, Коля еще подкинул, вон Московский проезд, семнадцать шестьдесят два, открыта дверь. – Разбил мои хрустальные мечты Серега.

– Что значит «открыта дверь»? Кража, что ли?

– Да хер его знает, просто дверь в квартиру открыта и все. Может кража, может нет. Сейчас посмотрим.

Приехали. Да, дверь слегка приоткрыта. Аккуратненько дверь пошире открываю, чтоб своими пальцами возможные следы рук злодея не смазать. Ой, б… дь, …б твою мать! Вот это ни хрена себе «просто дверь открыта»! Прямо от входной двери, в комнате виден труп, свесившийся вниз головой с дивана. А кровищи-то, кровищи, мама дорогая! Никогда столько не видывал! Да, да, не просто кровь, а, натурально, кровища, буквально повсюду: на полу, потолке, стенах и окнах. К трупу близко подходить не стали, но было и без того ясно, что сонная артерия повреждена. Видимо, бедолага, пока кровью не истек, по всей квартире бегал, спастись пытался, а уж когда обессилел совсем, повалился на диван, да так и помер. Как ни цинично звучит, но для меня все это хорошо, потому что мне здесь делать ну абсолютно нечего! Сей-

час сюда прокурорский следак с судебным медиком подъедут, начальства целое ассорти соберется. Во, первая ласточка – начальник отдела уже тут как тут. И сразу на меня наехал ни за что ни про что:

– А ты здесь хрена ли делаешь?

Нормально, блин! Как будто меня хлебом не корми, дай только на труп окровавленный поглазеть!

Но вслух, я предпочел культурно оправдаться:

– Так вызвали же, сообщили, что открыта дверь в квартиру, думали, что кража, а тут вона какое безобразие творится!

– Ладно, иди в мою машину, скажи Вите, что я велел тебя в отдел отвезти! – сменило начальство необдуманный гнев на милость.

О, вот это уже другой разговор. Наконец-то в отдел вернусь, да еще и на начальственном транспорте. Эх, Андрюха, значит, не судьба тебе опохмелиться в ближайшее время!

Окровавленный Ляшкин

Нет, не дадут поработать спокойно. Ну ладно, что хоть обвинительный акт до половины напечатал, да чайку с бутербродом накатил. Опять вызов. Во дворе больницы – проникающее ножевое в живот. Да, повезло потерпевшему, прямо под какое-то гуманное преступление попал: чик ножичком – и сразу на операционный стол. Сервис! Так, кстати, а я не понял где дежурный следователь-то? Почему ее не посылают? Сыщик с экспертом из ее группы здесь, машина на месте. Вера Михайловна, вообще-то была живая и здоровая с утра, могла бы и отработать, уж не перетрудилась за сегодня, всего-то на одну кражонку съездила. Ах, ее на обед домой увезли! Ну, правильно, белая кость, блин. Но это я не со зла. Просто бурчу по привычке. Конечно, зануда я, но и вместе с тем, человек понятливый: Вера Михайловна, дама не молодая, гипертоническая, если ее загнать, то мы тогда вообще без следователя останемся. Ничего, сам съезжу. Учебники криминалистики такие места происшествия велят с судебным медиком осматривать, – образцы крови-то кто брать будет? Но это учебники…. А вот в суровой реальной действительности, все по другому. Во, Ляшкин, наш эксперт-криминалист, приперся, покой-то черт. Поехали, говорит, Лёх! Ну, поехали, так поехали…. Только тебе какого хрена там надо…. Вообще-то, Володя Ляшкин – специалист экстра-клас-

са, на какие только экспертизы у него допуска нет! Заключения такие делает, что пальчики оближешь, ни один самый ушлый адвокат не подкопается. Вот только он, гад, запойный. И вот именно сейчас у него эти самые критические дни идут. А идут они у него ровно пять дней в месяц, проверено уже. Причем, для посторонних глаз его состояние практически не заметно, а вот свои, хорошо знающие этого товарища, определяют безошибочно: стеклянный взгляд, который бывает трудно рассмотреть за затемненными стеклами очков, и неестественно правильная, размеренная речь. Сегодня он уже с утра пораньше пребывал в состоянии полного изумления. Хотя, дело-то, собственно, не в пьянстве. Работают же люди, попивая всю смену, и ничего, нормально. Вон, Колю Бешеного для примера взять. Каждые сутки лекарство от бешенства принимает, а работает при этом, одно загляденье: без косяков, без завалов, ненужной работой группу никогда не нагрузит, от проверяющих никогда серьезных замечаний не бывает. Да и я тоже не святой в этом плане. Нет, самое страшное в том, что поддатый Ляшкин всякие паскудства творить начинает, за которые, в лучшем случае, будет просто перед гражданами стыдно, а в худшем – можно за компанию нехилое взыскание отгрести, хотя ты сам и не пил и не творил ничего такого. Как-то раз, прибыв на квартирную кражу, в поисках следов преступника, Ляшкин уснул на кафельном полу в ванной у потерпевшей. В другой раз, воспользовавшись тем, что следователь была занята прото-

колом осмотра места происшествия, а сыщик допрашивал старенькую потерпевшую, чей ветхий домишко обокрали какие-то негодяи, Ляшкин умудрился снять с петель входную дверь. Когда потерпевшая, следователь и сыщик увидели это безобразие, Ляшкин тоном старого профессора ответил, что для сохранности и лучшего исследования возможных следов рук, их нужно изымать вместе с предметом-носителем. А таким предметом, в данном случае, является дверь. Эту мини-лекцию по криминалистике прервал пронзительный крик старушки, разнесшийся по всей улице: «Это что же творится-то?! Воры последнее украли, а тут милиция приехала и дверь вынесла! Да какая вы милиция?! Хуиция вы после этого, а не милиция!». Ляшкину тогда повезло. Сыщик с милиционером-водителем дверь поставили на место, даже смазали ее, что б задобрить бабушку, готовую окончательно взбеситься. Потом, когда сели в машину, дружно надавали Ляшкину оплеух, обшмонали его экспертный чемодан и беспощадно изъяли початую бутылку дешевой бормотухи.

В этот раз я искренне, от души, попросил Ляшкина вести себя прилично. В ответ, этот деятель, с интеллигентным лицом кандидата околовсяческих наук, недоуменно посмотрел на меня и спросил с обидой: «Лёша, за кого ты меня принимаешь?». Приехали. Да, закон парных случаев работает. Это значит, если случилась одна пакость, значит, будет и второй такой же случай. В квартире с трупом кровищи было море разливанное и здесь, на территории больни-

цы, на полянке в кустах, которую облюбовала маргинальная молодежь и местная пьянь для своих посиделок, весьма приличная лужа крови, которая даже свернуться еще не успела полностью. Сыщик пошел в хирургическое отделение, выяснить, что там и как с потерпевшим, а может, если очень повезет, то и пообщаться с ним. Только я расположился на паре кирпичей, чтоб протокол осмотра нацарапать, и тут господин Ляшкин учинил таки очередное паскудство. Эта скотина, покой-то черт, вышедшая из машины, не глядя под ноги, запоролась аккурат в кровь, и, запнувшись за кусок проволоки, со всего маху, шлепнулась навзничь в самую жирную лужу крови, безнадежно испортив свои идеально отглаженные бежевые брюки и голубую рубашку с коротким рукавом. Будь он трезвым, то быстренько сгруппировался бы и на ноги вскочил. Но пьянь, она и в Африке пьянь. Ляшкин зачем-то перевернулся, встал прямо в крови на четвереньки, попытался подняться, но шлепнулся уже плашмя. «Лёх, помоги!» – возопил несчастный, но единственное, чем я мог бы ему помочь, так это контрольным выстрелом в голову. Кое-как Ляшкин принял вертикальное положение, и теперь напоминал Дракулу в запое. Видя такую красоту, из машины выскочил милиционер-водитель Вова, издавая вопли бешеного носорога: «Ах ты сука! Ну с-с-сука! Лёх, отойди, я его сейчас урою!» И Вову я очень хорошо понимал. Машинка УАЗик новенькая, чистенькая, а эта окровавленная сволочь сейчас весь салон перепачкает, и ладно, что потом от-

мывать придется, так ведь если увидит кто из граждан такую жуть, то в первую очередь что подумает? Правильно! Что менты-отморозки зверства устраивают. До сих пор не могу понять как я, тощий мужичонка, ростом сто шестьдесят четыре сантиметра, смог удержать почти двухметрового и стокилограммового Вову от жестокой расправы над Ляшкиным и последующей уголовной ответственности. Выход из положения всё же нашли. У запасливого Вовы под сиденьем лежал свернутый брезент, который мы расстелили в стакане[16]. «В стакан, сука!» – скомандовал Вова, и Ляшкин, понимая, что все возражения вредны для здоровья, подчинился. Тем временем появился сыщик Кирилл. Его круглая физиономия была довольной и жизнерадостной.

– Все нормально, Леха! – еще издалека крикнул он. – Там никакого проникающего, просто руку ему сильно порезали. Я с него объяснение взял, что это он сам порезался. Так что сейчас в отдел приедем, я сам отказной[17] напишу.

Ну, слава Богу, хоть здесь все в порядке. Сейчас только в протокол осмотра впишу про осколки бутылки на месте происшествия, попрошу кого-нибудь из больничного персонала его подмахнуть в качестве понятых и все. На самом-то деле, конечно, нет никаких бутылочных осколков, и мужик

---

[16] Стакан – узкий отсек в задней части машины для перевозки задержанных (мил. сленг).

[17] Отказной – имеется в виду постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и прилагаемый к нему материал (мил. сленг).

не сам резался, а его порезали. Ножичком. Причем неизвестно кто. Не помнит потерпевший ни хрена, потому как пьян был вдрызг. И что теперь, прикажете уголовное дело возбуждать, заведомо темное? Нет уж, хренушки! Лучше уж я доказательства сфальсифицирую, хе-хе! Ну все, поехали теперь домой к Ляшкину, переодевать его. Повезло ему, что жена была на работе. Зато теперь, помытый и посвежевший Ляшкин, переодетый в капитанскую форму, благоухал дихлофосоподобным дезодорантом, время от времени сокрушенно вздыхая и покачивая головой, памятуя о нехорошем казусе и испоганенной одежде.

Вот теперь какой вывод нужно сделать из всего случившегося? Нет, пить на работе и потом в крови валяться, конечно, не очень красиво, это и так понятно. А вывод в том, что дежурить нужно в форме. Потому как форма – это не только один из атрибутов представителя власти, а прежде всего – спецодежда. Ведь не станет же, например, уборщица в деловом костюме мусор выгребать, да полы намывать, правильно? А почему милиционер в приличной гражданской одежде должен по чердакам, подвалам, помойкам и тому подобным милым местам шляться? А в добавок еще и бомжей завшивленных, да чесоточных досматривать, трупы гнилые таскать…. Да и не перечислишь всей пакости, которой нам заниматься приходится. В обычные дни я форму не ношу, но на дежурства всегда надеваю, после того, как в свое время прокололся серьезно. Лет десять назад, был у меня един-

ственный костюм деловой, темно серый. А начальство тогда не заставляло в форме дежурить. Пофигизм был сплошной, типа, ходи, в чем хочешь, лишь бы без штанов не приперся. Ну вот, выехали мы как-то на гнилой женский труп, стали перекладывать его, а из него гнилостная жидкость все брюки мне и окатила, как из ведра. Одним словом, загубил я тогда свой костюмчик единственный, и с тех пор, только в форме дежурю.

– Два три восемь – Затону!

– На приеме.

– Куда вы пропали? Давайте быстро в хозяйство!

– Понял, едем.

Куда-куда…. Ведь не будешь же в эфире трепаться про аварию с Ляшкиным. А в хозяйство, то бишь, в родной отдел, мы уже едем. Мчимся, можно сказать, на всех парусах.

Гнилой труп

По приезду в отдел, Ляшкин, предусмотрительно исчез в недрах экспертно-криминалистического отделения, а мы, не успев порог дежурки переступить, тут же наезду со стороны Коля подверглись: «Не, мужики, ну вы совсем о… ли, что ли?! Вы мне что хотите сказать, что по какому-то сраному порезу два с половиной часа волынились?! Вы где были-то?». М-да, так и пришлось всю правду рассказывать. Удивительно, но не стал Коля из себя выходить, а велев обо-

ждать, вынес из оружейки две сумки с противогазами и протянул их мне со словами: «Держи, на труп едете!», причем сказал это таким торжественно-значительным тоном, будто лично генерал нас на чашку водки приглашает. И тут же по громкой связи вызвал где-то затерявшегося участкового Диму Герасимова. О-о, чувствую, хорошо мы поработаем! Этот юноша, совсем недавно надевший погоны младшего лейтенанта примечателен тем, что до дрожи, до визга и колик боится покойников. А не так давно, даже облевался, хотя выезжал-то на свеженький, чистенький труп старичка, мирно скончавшегося у себя дома, по причине древнего возраста.

– Коль, ну его на фиг, этого Герасимова, давай я лучше с сыщиком съезжу!

– Ни хера! Герасимов поедет. Пусть приучается, б… дь! А то сосунков наберут, а потом другим за них работать приходится.

В дежурку вошел Дима.

– Ох, ё-о-о! – только и смог сказать он, узнав о предстоящем выезде, и увидев в моей руке противогазы.

Да мне и самому удивительно. Сколько ни выезжал на трупы, отродясь противогазы не выдавали. Это что ж там за жмур такой чудесный? А Коля никаких подробностей не говорит, только записульку с адресом передал. Ладно, чего тут рассуждать, поехали, сейчас сами увидим.

Двухэтажный деревянный дом барачного типа. Труповоз-

ка уже ждет у подъезда. Опять без санитаров. А ведь их, между прочим, полный штат! Козлы, блин, хорошо устроились, понравилось на ментов свою работу перекладывать! В подъезде на первом этаже запашок ощутимый, на втором – невыносимый, а уж в квартире вообще душегубка форменная. Противогаз надел было, но тут же снял. Какой там, на хрен, противогаз! От вони он не защищает ни сколько, только дышать труднее и жарко вдобавок. Ничего, как-нибудь так управлюсь. А Димка надел. Зря это он, от духоты и от вони еще, не дай Бог, в обморок шлепнется. Дверь в квартиру открыта. Позеленевший и раздутый бабушкин труп сидит на диване, разлагается себе спокойно, и носом пузыри гнилостной жидкости пускает. Так, сначала труп вынесем, потом уже осмотр напишу. Не, носилки брать не будем, не развернемся мы тут с ними. Надо что-то мягкое. А что? Покрывало под бабушкой все мокрое и вонючее, не пойдет, по шкафам не хочу лазить, а то еще обвинят черт те в чем.

– Так, Дим, давай, снимай занавески!

– Гу-гу-гу. – чего-то прогундосил «слоник» Дима, но занавески быстренько снял.

Отлично. Одну занавеску рвем, чтоб было чем труп прихватить, а другую стелем на пол – труп на ней выносить будем.

– Дима, давай, помогай! Куда, куда ты голыми руками лезешь?! Тряпками прихватывай! Блин, вся тряпка промокла. Сначала на бок ее кладем. Ты вот сюда, сюда встань, а то

сейчас на тебя польется! Вот, хорошо.

Бух! Все, труп уложен, можно нести.

– Э, дружище, да тебя что-то шатает! Дима, ну-ка снимай противогаз и давай быстро на улицу! Свежим воздухом подышишь, машину покараулишь, а Серега пусть сюда идет. И Славику скажи, водителю труповозки, чтоб тоже быстренько сюда поднимался, не хера там высиживать! – я испугался, что еще пара минут, и горе-напарника придется выносить вместе с трупом.

– Сынок, а ну-ка иди отсюда к еб… й матери! Иди-иди, сказала! – Я и не заметил, как в квартире очутилась бабушка-соседка, которая решительно вытолкала Диму прочь.

Вот и Серега подтянулся. Славик, говорит, не пойдет, ему, мол, не платят за вынос трупов. Ну ладно, скотина, послезавтра я не поленюсь, настучу Ефремову – начальнику бюро судмедэкспертизы, как у него младший персонал распустился. Так, мы с бабушкой беремся за более легкий ножной конец, Серега, как самый сильный – головной, и, с грехом пополам, с передышками, потащили. Бляха-муха, занавеска в руке скользит. Ну, спасибо, Славик, что хоть дверцы-то в труповозке открыл, да носилки вытащил. Так, теперь последний штрих – перекладывание трупа на носилки, загрузка их в машину и все. Ф-фу, слава Богу, самое тяжелое дело сделано. Теперь надо осмотр писать. Ничего, сейчас прямо на улице по памяти напишу, в квартиру больше не буду подниматься, ну на фиг, и так всякой мерзостью на-

дышался. Дима уже в себя пришел, с Серегой о чем-то треплется.

– Дима, давай возьми с соседей парочку объяснений!

Вот почему, ну почему люди становятся, а может и рождаются, такими мразями, а?! Обычно смерть человека заставляет живых как-то притихнуть, простить и забыть все, что было плохого, если, конечно, умерший не выродок, типа Чикатило[18]. А тут три дня жуткую вонищу терпели, и только потом, когда уже совсем невмоготу стало, дверь взломали и нас вызвали. Старуха, говорит, скандальная была, по поводу и без повода на всех кляузы писала. Вот такая вот гнусная месть! И кому мстить-то, спрашивается?! Покойнице, которой уже все глубоко по барабану?! Нет, нашим дебильным людЯм этого не объяснить… А еще для них и цирк бесплатный. Вон двое крепких мужичков, из соседних квартир, во дворе стояли, наблюдали внимательно, даже с каким-то азартом, как мы с трупом валандаемся, и хоть бы один помочь подошел! Только одна бабулечка, спасибо ей огромнейшее, настоящим человеком оказалась, не побоялась и не побрезговала помочь тяжеленный труп тащить. Это в ее-то возрасте! Ладно, Бог им всем судья. Поехали в отдел.

Маленькое затишье перед бурей.

Ох, теперь лишь бы только подольше вызовов не было,

---

[18] Чикатило Андрей Романович – ростовский серийный убийца, совершивший с 1978 по 1990 г.г. с особой жестокостью 53 доказанных убийства.

чтоб не дергал ни кто. А ведь когда-то, сто лет назад до Нашей Эры, будучи юным и не обремененным тяжкими обязанностями практикантом, дежурил я со следователем, и под надоедливый треск его пишущей машинки, мечтал вслух о вызовах. Да чтоб побольше, да с морем крови и горами трупов! И молвил мне тогда следователь человеческим голосом:

– Что ж ты, парень, жестокий-то такой, а? Зачем людям зла желаешь?

– Кому это я желаю? – не понял я.

– Ну как же? Ведь граждане нас не от великого счастья вызывают. Каждый вызов – это беда чья-то. А ты, получается, ждешь ее с нетерпением.

Вот тогда и дошло до меня. А уж теперь-то, я четко понимаю, что лишний вызов, это не только горе людское, но и лишняя ответственность, висящая на мне тяжким грузом.

Теперь чайку покрепче, да с бутербродиками, и можно обвинительный акт доделать. А, и забыл совсем, музычку включу, блатнячок мой любимый, развеселый. Вот, теперь полный комфорт! Может, это у меня профессиональная деформация появилась, а? Это я имею в виду любовь к блатному фольклору, да и не только это. Бывает, что и чифирком побалуюсь. Нет, конечно, я не ежедневно чифирь хлещу, а только если во время дежурства поспать не удается. А что, чифирь голову не дурит, но бодрости ощутимо добавляет. Не надо только подсаживаться на него. Нет, все же

великая вещь компьютер! Если ошибку сделал, исправляй сколько хочешь! А ведь совсем недавно на пишущих машинках печатали, только треск стоял на всю округу! Пару опечаток сделал, лист выбрасываешь, и все по новой начинаешь. Страшно вспомнить, сколько бумаги и времени понапрасну тратилось. А вот тут, признаюсь, я маленько соврамши. Ведь не мой это компьютер-то, а Ирина Валерьевны, его она мне на время своего отпуска оставила, пригрозив, что если и ним хоть что-нибудь случиться вырвать мне эээ… Вот и все, готов обвинительный, опись составлена, дело подшито, пронумеровано, теперь завтра, … ой, нет, завтра у меня законный выходной после суток, потом, короче, злодея вызову, с делом его ознакомлю и все, с глаз долой, из сердца вон. Да, именно так я рассуждаю. «С глаз долой из сердца вон…». Легко и просто. Сухо и бездушно. Вот скажи мне кто-нибудь сейчас, что, мол, за каждым делом люди живые стоят, а ты, паразит бездушный, только бумажным оформлением и занимаешься. И что я отвечу? А пошлю подальше, да и все! Какой толк пустыми рассуждалками заниматься? Если я, вместо того, чтобы преступления расследовать, начну философствовать, да слезу пускать, то кому лучше сделаю? Этак можно вообще, того, блаженным сделаться. Вон как наш Витя Бабкин, например.

Человек с тараканами в голове

Вите сорок четыре года, он майор. Посмотришь внешне – с благородной сединой на висках, импозантный, с интеллигентными манерами. Но стоит только пообщаться с ним поплотнее, как начинает тревожно свербить предчувствие психического недуга собеседника. И ведь был когда-то Витя нормальным человеком и ментом неплохим, до старшего участкового дослужился. А потом, Бог его знает, что там в башке у него повернулось…. Вобщем, в один прекрасный день, обнаружил Витя у себя экстрасенсорные способности. Я, говорит, чистые космические потоки излучений получаю и могу теперь из людей отрицательную энергию удалять… Ага, ну и значит так наудалялся, что его подучетные алкаши чуть ли не целой делегацией к начальнику явились (ходоки у Ленина, блин!), умолять убрать от них беспредельщика этого. Начальник-то не врубился сначала, думал, что Витя лупит их почем зря, а тут оказалось, что лечит! Придет, говорит, на какую-нибудь притонообразную хату «пациента», или к себе в опорный[19] вызовет, ну и давай руками над головой водить, да мычать чего-то невнятное. И так целый час. А начнут возражать, так тут же грозится всю морду разбить и в камеру засунуть. Ну, и смекнул начальник-то,

---

[19] Опорный – опорный пункт, иначе, общественный пункт охраны порядка. Говоря нынешним языком – это офис участкового.

что этак и прославиться недолго. В плохом смысле, конечно. Представляете, публикации в прессе «участковый-шизофреник»! Но, увольнять Витю тоже все же не по-людски как-то, мужик он, в общем-то, безобидный, на людей не бросается, да и до выслуги мужику чуть больше полугода остается, поэтому и перевели его от греха подальше, в отделение охраны общественного порядка, бумажками заниматься. И теперь Витя, в свободное от перекладывания бумажек время, ходит по кабинетам и вещает про свою неразрывную связь с источником космической энергии. Ну, все, времечка уже много натикало, баиньки пора, желаю всем… Э, нет, это я себе, любимому, желаю, чтоб ни одна падла милицию не вызывала, ну не совсем, конечно, а хотя бы до конца моего дежурства. И спокойной ночи никому не желаю, потому как примета плохая – сразу вызовы всякие гнусные как из рога изобилия посыплются. Проверено уже…

Маленький шеф-повар большой ментовской кухни

Сегодня, с утра пораньше, меня гордость и важность одолели. Распирают, можно сказать. Того и гляди, мания величия нагрянет. А вы как думали? С сегодняшнего дня я не какой-то там хрен с бугра, а исполняющий обязанности начальника отделения дознания. А вы уже и поверили, что вот прямо с головой погрузился я в сладострастные карьеристские грезы? А вот и не угадали вы, уважаемые! Не угадали, как говорится, ни одной буквы! Ни эта, ни любая другая начальственная должность, даже без приставки «и.о.», со всеми окладами, властными полномочиями, перспективами карьерного роста и прочими вкусностями, мне и на фиг не нужны (это если мягко выразиться). Нынешняя должность старшего дознавателя меня очень даже устраивает и именно в этой должности мне хочется допыхтеть до пенсии, до которой, с учетом обучения на дневном отделении Высшей школы МВД, всего-то два года и десять месяцев осталось. От просто дознавателя я чем отличаюсь? Если честно, то и сам толком-то не знаю. Наверное, тем, что, как правило, дела, которые посложнее, расследую, зарплата чуток побольше, ну, и, конечно тем, что начальницу замещаю на время ее отсутствия – ведь нет у нас в штате должности заместите-

ля. Так что, уважаемые, читатели, не привлекает меня работа ментовского руководителя. Ведь она, то есть работа руководящая, заключается не в том, чтобы с напыщенным видом вумные речи произносить, и даже не в том, чтобы преступления серьезные раскрывать. Основной смысл ее, прежде всего, в обеспечении нужной статистики кроется. План-то ведь никто не отменял! Каждый месяц пятьдесят эпизодов преступлений, направленных в суд, вынь да положь. Так это еще, так сказать, божеский план-то, кое-где и побольше имеется! Вот и приходиться раскручивать почти каждое дело, эпизоды плодить. Как такое делается? Не битьем, нет, а чисто юридическими методами. Вот, например, гонялся некий джентльмен за своей леди с кухонным ножичком и порешить грозился. Хорошо, что той удалось из квартиры выбежать, а иначе, к гадалке не ходи, труп нарисовался бы на радость следственному комитету. Вот если вы юрист, уважаемый читатель, а даже если и нет, Бог с вами, то какая квалификация этого безобразия напрашивается? А? Правильно, покушение на убийство. Но это все теория пустая. А суровая реальность, то есть судебно-следственная практика нам предписывает эти шалости как угрозу убийством квалифицировать, то есть по мягкой и нежной статье 119 УК, которая всего-то до двух лет лишения свободы предусматривает, и по которой ты его до суда даже под стражу не заключишь. А пока, как говорится, суд да дело, он запросто возьмет, да и перейдет от слов к делу, проще говоря, замочит,

на фиг, свою возлюбленную. Почему же так у нас все получается, э-э…, скажем так, не совсем правильно? А статистика, ненаглядные мои, статистика. Сколько у нас таких деятелей, любящих чем-нибудь смертоубийственным поразмахивать? Вы, хотя, большей частью граждане мирные, к криминальному миру и правоохранительной системе отношения не имеющие, и то понимаете, что много – это очень мягко сказано. И если по каждому такому случаю начать возбуждать покушения на убийство, то что будет-то? Зашкалит у нас тогда количество особо тяжких преступлений против жизни. Россия-то наша имидж какой приобретет в международном сообществе? Страны, населенной сплошь душегубцами озверелыми. Ну и полетят тогда головушки-то правоохранительные, звездопад с погон такой начнется, с которым ни один метеорный дождь не сравнится. Нет уж, статистика нам нужна благостная, приятственная, глаза и душу радующая. И наплевать, что лживая и грубо показушная она, как красивый забор, помойку прикрывающий. Зато внешне красота-то какая! Глаз не оторвать! Ну так вот, теперь дальше, как мы, собственно, эпизоды преступлений плодим и размножаем. Один у нас есть – угроза убийством та самая. Дальше, выясняем у потерпевшей, бил ли ее ненаглядный. Не бил, то есть, ударов не наносил, а просто толкнул? Пусть так, и это отличненько сгодится. В протоколе допроса потерпевшей пишем, якобы с ее слов «он с силой толкнул меня кулаком в грудь, и от этого я ударилась головой об стену, испытав при этом

физическую боль». И ничего страшного нет в том, что никакого расстройства здоровья у нее не наступило, ни синячка, ни царапинки нет. Главное, боль физическую испытывала? Испытывала! Вот вам и статья 116 УК нарисовалась – побои. Дальше спрашиваем, а не выражался ли ваш кавалер лихой, какими-нибудь словами непотребными? Ну, это вы сами понимаете, вопрос риторический. И пишем в протоколе допроса потерпевшей душещипательное повествование об унижении ее чести и достоинства в неприличной форме. А значит плюсом и еще статеечка 130, то бишь, оскорбление. Вот так и получилось у нас в одном деле сразу три эпизода. А если этот джентльмен не один день таким вот образом шалил? О! Улавливаете, да, сколько эпизодов наплодить можно?! Лично меня азарт охватывает, прямо как грибника или рыболова. Если все-таки в эпизодах недостача появляется, хотя такое крайне редко бывает, то тогда нужное количество добавляем из заначки, которая за предыдущий период образовалась. Вобщем, количество дел, направленных в суд – это наш главный показатель. И, кстати говоря, вопреки обывательскому мнению, никаких премий и внеочередных звездочек на погоны, нам за это не дают, хотя и очень хочется. Ну, если только, удастся серьезное преступление раскрыть, либо, опять же, годовой план, по-стахановски, план перевыполнять. Да вы и сами подумайте, если бы за каждого задержанного, да за каждое направленное в суд дело, мы получали звезду и премию, то в милиции бы сплошь генералисси-

мусы-олигархи работали! Так что, вашими бы устами, как говориться… А в действительности-то, уж какие там звезды с премиями, лишь бы под раздачу не попасть, и то ладно. А руководителю под эту самую раздачу попасть куда проще, чем самому зеленому рядовому. И это понятно – рядовой-то только сам за себя отвечает, а ты – за всех, кто у тебя в подчинении. Да и не за всех тоже. Помнится, как-то послала меня Ирина Валерьевна вместо себя, на областное совещание руководителей подразделений дознания. Ну, сидим все, умные лица изображаем, сами, в это время, свои личные думы думаем, чтоб лишний раз мозги не загаживать всякой шизофренией. И слышу вдруг визг полковника Деревяшкина, начальника областного отдела дознания «Где начальник отделения Пролетарского отдела?!» Ну, встал я, представился, так и так, говорю, болеет она. И тут так он заверещал, будто я его изнасиловать попытался: «А вот как вы мне можете объяснить, что за прошлый квартал… За целый квартал! – он многозначительно поднял вверх сарделькообразный палец, ваше отделение не направило суд ни одного дела по хулиганству?! Ну так не было у нас хулиганств, говорю, зато по другим делам выдача была неплохая, а потом, ни одного возврата на допрасследование, по отказным ни одной отмены. Реакция Деревяшкина была неадекватной «А вы мне тут не нукайте! Вы там сидите у себя, как в болоте, приспособились на одних и тех же статьях показатели делать! Извините, говорю, но если хулиганства действительно не совершались,

как же мы их возбудим? – стараясь не заводиться и держать спокойный тон спросил я. Но визгливого Деревяшкина этим было не взять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.